

Андрей ПЕТРОВ

г. Архангельск

«Несмиранные» герои и книги Дмитрия Коржова

«В ладонях нас качал любимый город...»

Так они и жили здесь. В обнимку с ветром. Между небом и морем.

Вверху – небо. Внизу – море. Между этими двумя мирами, двумя непримиримыми планетами, как между двумя жерновами, и жил Мурманск.

Это из третьей части романа Дмитрия Коржова «Мурманцы», которая так и называется «Город между морем и небом». Знаковое название. Город, Море, Небо – важные, ёмкие символы в многогранном творчестве поэта, прозаика, литературного критика, журналиста, общественного деятеля, мурманчанина Дмитрия Валерьевича Коржова (р. 1971).

Оду родному городу он пропел в историческом романе-трилогии «Мурманцы» (2008–2015) – именно так себя называли первые жители приморского города в Заполярье, «города на краю земли».

В трилогии нашли отражение ключевые моменты истории города: 1918–20 гг. – когда всё только начиналось, 1942 год – когда городу выпали наиболее тяжкие испытания, 1960-е годы – время свершений и надежд.

Герой первой части трилогии сравнивает Мурман с подводной лодкой. «Зимний Мурман напомнил Алексею подводную лодку – весь словно бы ещё под водой, неопределённый, неясный, скрытый от глаз. Но при этом таящий где-то глубоко неведомые пока, незримые силу и мощь. Редкие огоньки в окнах одиноких строений, мнилось ему, очень похожи на свет горящих вполнакала ламп

внутри идущей под толщей вод субмарины. И та же тьма вокруг, тьма без конца и без края».

А вот мурманское небо, каким его видят герои романа «Мурманцы 1942»: «Небо... Низкое, холодное. И пустое. Даже солнца там, в вышине, не было. Только тёмные, будто в окопной грязи, облака, похожие на дым, что клубится из какой-то далёкой, невидимой поднебесной трубы, словно непроницаемым занавесом скрывая от посторонних глаз неоглядную высь».

Оду Мурманской земле Дмитрий Коржов поёт почти во всех своих произведениях, о чём бы он ни писал, всегда у него найдутся интересные образы, важные слова о Городе. Даже в повести «Доброволец», действие которой происходит на Балканах, в Боснии, во время жестокой гражданской войны конца XX века, появляются мурманские пейзажи: сравнивает герой повести, мурманчанин, боснийские и кольские «просеки» среди скал: вырубленные в сопках проходы; а в Белграде рассказывает сербской девушке по имени Весна про свой удивительный, очень светлый и тёплый город на далёком Севере.

Мурманск – полноправное действующее лицо творений Дмитрия Коржова. В них органично себя чувствуют и странная кольская зима-весна, которая представляется старой неповоротливой бабкой, и белые ночи, когда все вокруг становятся белыми, молочными, пасмурными, и осень, которая разговаривает негромко уверенным, но очень усталым голосом, и полярная ночь – тягучая и чёр-

ная, как вода Кольского залива, и бесконечный холодный мурманский дождь, незаметно, тихой сапой, наглухо закрывший незакатное солнце полярного дня серенькой сетчатой завесью.

Город рождает образы – трепетные и мужественные, неброские и яркие: «В ладонях нас качал любимый город, / Гранитному подобен кораблю; И белизна скупая неба / От стужи город мой хранит; На спящий мореходный Мурманск / Вновь снега белые легли; И дождь всё шёл и нас не слушал, / А город с небом наскоро сшивал».

Вместе с героями Коржова мы проходим по Мурманску, зримо представляем его в подробнейших деталях, вслушиваемся во вкусные сугубо местные названия: тут тебе и Челюсти – улица Челюскинцев, и «пятна» – площадь Пять Углов, и «Крыло», и памятник Кириллу и Мефодию, и Рос-та. И дальше, дальше, дальше... Как будто действительно побывал в Мурманске, явственно ощутил его аромат, окунулся в его атмосферу, очутился в городе, где молодым / Так легко обрушиться в дым.

В Мурманске рождается и гибнет отчаянная, безоглядная, безнадежная любовь героев беспредельно искренних, проникновенных, исповедальных рассказов Дмитрия Коржова, суть которых можно передать четверостишием Коржова-поэта:

*А я стою оставленный –
Ботиночки в пыли,
Смущенный и подавленный
Вращением Земли.*

Или вот это короткое стихотворение, которое очень хочется привести целиком:

*Говорила холодно и жёстко:
«Оглянись, – да ты же не живёшь –
С безрассудством пьяного подростка
Ты или кричишь, или поёшь!»*

*...Говорила, как приговорила –
Слово, словно взвившаяся плеть.
Я стоял – беспомощный, бескрылый –
И не знал – кричать мне или петь.*

В стихотворении «Мы» – знаковом, поколенческом – автор признаётся: «Любовь – это та же война», и ещё: «Мы все в эти годы любили, Но мало любили нас...» А стихотворение, которое, собственно, так и называется «Любовь», содержит такие формулы: «Любовь – засада, что всегда без правил; Любовь – азарт полуночной тревоги, / На выживание жёсткая игра».

Притча не притча, охотничья байка о сороковом медведе, который обязательно погубит удачливого охотника, дала название рассказу и книге «Сороковой медведь» (2015). Рассказ этот вовсе не об охоте, хотя можно то, что описано, и так называть, рассказ о холостяке-ловеласе Мите, который порхает по жизни легко и беззаботно, срывая цветы удовольствия. Да вот встретил он своего «сорокового медведя», и всё у него пошло наперекосяк.

Слог рассказа лёгкий, бегущий, ироничный, тем ощутимей, обречённой воспринимается то, что случилось с героем, отяжелив, остановив и опечалив его бег по жизни: «Ну не было в нём в тот день злости, не было! Одна немота и мертвечина».

Мягкая, нежная акварель, торопливые мазки и много воздуха – такое послевкусие оставляет по себе изумительный рассказ «Мелодии осени». Мимолётное видение: «Словно подхваченный ветром лист, бесшумно и легко, парит над землёй незнакомая девушка». И устремляется герой рассказа Лист, Листище в безумное блуждание в пространствах любви. Как иногда прекрасны люди в своём безумии. Но Лета, Лета, Лета... Такое имя у возлюбленной. Она ускользает, исчезает... А утром выпал снег. И мир снова стал чист и хрупок. Осень кончилась.

Рассказ «Позову я голубя...», и тоже об обречённой, безнадежной любви вопреки песне – странной, протяжной, раздольной, которая подарила название рассказу: «Позову я голубя, позову я сизого – пошло дролечке письмо, и мы начнём всё сызнова...» Нет, не начнут, и от этого горько, обидно: «Как это часто бывает, холод и тьма пришли, не объявляя о себе заранее, когда их никто не ждал...»

А ещё в книге «Сороковой медведь» есть уже упоминавшаяся повесть о войне «Доброволец», которая заканчивается так: «Только тьма вокруг: беззвёздная, дикая, чужая. Сараевская тьма...» И московский рассказ «Хунхузка» о вспышке сильной страсти, которая погасла так же быстро, как и вспыхнула.

Стихи Дмитрия Коржова о любви объединены в сборник «Девье сердце» (2017). В предисловии к нему Илья Виноградов пишет: «Подаренная поэтом читателю любовная лирика – многогранный, пёстрый пейзаж самых сокровенных человеческих отношений».

*А город вертится и кружится,
И за тобой бежать готов
Любой проспект, любая улица
От Росты до Пяти Углов.*

«Дарованный свыше Учитель...»

Среди персонажей романа Дмитрия Коржова «Город между морем и небом» появится моряк-радист Маслов, есть у поэта Коржова стихотворение, посвящённое писателю Виталию Маслову: «В далёкой Сёмже упокоен / Державший небо на плечах».

О Виталии Семёновиче Маслове (1935 – 2001) – Человеке с большой буквы – напишет Д.В.Коржов, по его собственному признанию, свою лучшую на сегодня книгу – «Несмиранный живописец» (2018).

«Подобает быть живописцу смирену...» – полтыщи лет назад это писано, однако не до смирения нам. С такого авторского предупреждения начинается книга. Герой книги был живописцем – Большим, Несмиранным.

Жанр книги обозначен как роман-биография.

В ней много документального: по первому образованию Коржов – историк, он умеет и любит работать с первоисточниками.

В ней много поэтического, возвышенного, страстного: все-таки Коржов – поэт, поэзия в нём бурлит, прорывается, оставляет след в его прозе.

Много в книге личного, откровенного, ведь речь в ней идёт не о ком-нибудь – о близком, дорогом человеке:

*Дарованный свыше Учитель,
Испытанный светлый талант –
Он звал меня бережно – «Митя»,
Как матушка в детстве звала.*

Начинается и заканчивается книга Сёмжей – далёкой поморской деревней на краю земли. Но это Живая деревня, Сёмжа – в наших душах. Навсегда. Так перекликаются названия первой и последней глав книги.

И стоит Сёмжа у предельной черты, на границе – между небом и землёй, берегом и морем, приливом и отливом, жизнью и смертью. И опять: «Небо, Море... Маслов соприроден своей деревне». Слово-то какое оставлено – соприроден! Ещё не раз прозвучит оно в книге.

Герой книги предстаёт перед нами непримиримым, резким, упрямым и в то же время душевным, пронзительным, чутким ко всему живому и искреннему.

Много в книге самого Виталия Маслова – его произведения, его воспоминания, его дневниковые записи. К примеру, вот он, мальчик, вдали от родной деревни рыдает в телефонной кабине, слыша мамин голос, – и расплываются страницы, комок застревает в горле...

Сёмжа, Каменка, Мезень – родные масловские места, они стали родными и для Коржова, пропущены через его сердце, через его боль: Каменка – это горечь. Пустота и ужас запустения; Мезень – удивительный, абсолютно поэтический город.

Отъезд Виталия Маслова из родной Сёмжи всю жизнь воспринимается им как неоплаченный долг перед сверстниками, которые остались, этот долг, по признанию писателя, никогда ему не отработать. Отсюда, видимо, истоки созданного Масловым Дома Памяти в Сёмже.

А потом морские будни, морская романтика и вечное преодоление, вечное мужество. Арктика, полярные моря – это и закалка характера, и закалка таланта. Именно тогда родились первые масловские рассказы.

И долгие годы на легендарном ледоколе «Ленин». Вместе с ним входит в жизнь В.С. Маслова, становится – не сразу, трудно – родным для него Мурманск. Да вот не появится этот город на страницах масловских книг. И его «ледокольный» роман «Искупление» всё ещё не опубликован.

«Любовь побеждает всё» – так называется одна из глав книги «Несмиранный живописец». И это воистину так. Речь идёт в ней о жене, о детях, о далёком, всегда желанном для моряка – вечного скитальца – берегу.

И из всего этого прорастает, крепнет его главная тема как писателя: «Я с радостью развязал горло моим дорогим людям, чтобы они заговорили...» И они заговорили – жители поморской деревни Крутая Дресва: они – эти простые, искренние, настоящие люди, которые сделали Маслова настоящим, искренним, честным писателем.

Большую роль в становлении Маслова как художника слова сыграл Фёдор Абрамов, который так подписал свою книгу: «Виталию Маслову – побратиму и земляку, в которого верю». С таким напутствием, с таким духовным завещанием, с такой эстафетой нельзя было не состояться, не занять своё незаёмное место в славной когорте писателей-деревенщиков.

И ещё были знаковые и значимые фигуры в судьбе Виталия Маслова – Виктор Конецкий и Семён Шуртаков, их роли в становлении Маслова-писателя отводятся немало места в книге.

Важная тема, в раскрытии которой сильно ощущается личностное, равнодушное отношение автора – Дмитрия Коржова, это тема, обозначенная в названии одной из глав, – «Без поэзии в прозе нельзя».

Виталий Маслов всю жизнь писал стихи, но они практически неизвестны читателю. Имя ему сделала проза. Об этом рассуждает Коржов, и, на-

верное, в большей степени о себе, о своём творческом двуединстве – поэта и прозаика: «Поэзия – обжигает. Проза – греет; Проза – земля. Поэзия – воздух. И вывод: для хорошей прозы необходима хорошая поэтическая школа», – так считал Маслов, так считает Коржов.

Глубокий анализ творчества героя книги сквозь призму его биографии, осмысление судьбы человеческой через становление писательское – всё это есть в книге.

И ещё о важном – о том, как В.С. Маслов со товарищи возродил в России День славянской письменности, проявив немалое мужество, упорство, хорошую истовость и дерзость. Многие пытались, а сумел Маслов. Это очень показательно и красноречиво характеризует героя книги «Несмиранный живописец». А чего стоит уникальная в своём роде история установки памятника первоучителям славянским Кириллу и Мефодию в Мурманске!

Следующая глава книги не случайно названа «Почти брусиловский прорыв». Она о Славянском ходе, задуманном и осуществлённом Виталием Масловым. В этой «новой форме общения со страной» участвовал и продолжает участвовать Дмитрий Коржов. Эта глава и последующие особенно дороги автору, ведь это уже не история, это сама жизнь, прожитая рядом с Масловым и проживаемая после него.

Виталий Семенович Маслов мечтал – ни много ни мало – о духовном единении славян, о создании Союза славянских православных государств. Не он

первый, не он и последний. В.С. Маслов был убеждён: нужно ставить перед собой высокие благородные цели и всегда работать на будущее.

Виталий Маслов предстаёт в книге и как наставник молодых писателей, которых он пестовал так же искренне, истово и несмирненно, как он делал всё в своей жизни. Литературная жизнь Кольского края представлена в книге зримо, прочувствованно, ведь это и жизнь самого автора Дмитрия Коржова – неравнодушного, страстного, несмирненного.

И, конечно, в книге нашла адекватное отражение горечь утраты. Подробно, последовательно описывается последний год земной жизни Виталия Семёновича Маслова, его смерть, переходящая в бессмертие. Здесь появляется неожиданное сопоставление Маслова и Достоевского, приводятся рассуждения о необходимости возвращения империи как «неоспоримого центра славянского и православного мира».

Такая она – эта книга. Такой он – её герой. Такой он – её автор. Неуёмный, несмиранный живописец.

□

Андрей Васильевич ПЕТРОВ

родился в 1964 году в г. Северодвинске Архангельской области.

Окончил Архангельский педагогический институт.

Доктор филологических наук,

профессор кафедры русского языка и речевой культуры

Северного федерального университета имени М.В. Ломоносова.

Автор более 200 научных и учебно-методических работ, среди них книги:

«Безличность как семантико-грамматическая категория русского языка»,

«Система безличных предложений в современном русском языке»,

«Простые звуки родины моей...» Язык поэзии Ольги Фокиной»,

«Север в северной поэзии: лингвистический аспект»,

«Родниковое слово Федора Абрамова».

Публиковался в журналах: «Русская речь», «Север»,

«Русский язык в школе», «Филологические науки», «Двина».

